УДК 821.161. 1Г – 3.09

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ КОНЦЕПТА «СКУКА» В ТЕКСТАХ РОМАНОВ И.А. ГОНЧАРОВА

Хомчак Е.Г., к.филол.н., ст. преподаватель

Мелитопольский государственный педагогический университет

В статье рассматривается специфика концепта «скука», особенности его отражения в художественных текстах И.А. Гончарова, его роль в создании языкового образа скучающего героя.

Ключевые слова: концепт, метапоэтика, метатекст, контекстуальный синоним, антоним.

Хомчак О.Г. ЛІНГВІСТИЧНЕ ПРЕДСТАВЛЕННЯ КОНЦЕПТУ „СКУКА” В ТЕКСТАХ РОМАНІВ І.О. ГОНЧАРОВА / Мелітопольський державний педагогічний університет, Україна

У статті розглядається специфіка концепту „скука”, особливості його відображення у художніх текстах І.О.Гончарова, його роль у створенні мовного образу нудьгуючого героя.

Ключові слова: концепт, метапоетика, метатекст, контекстуальний синонім, антонім.

Khomchak E.G. Linguistic presentation of the concept "boredom" in the texts of I.O. Goncharov's novels / Melitopol State Pedagogical University, Ukraine

The specificity of the concept "boredom", the peculiarities of its presentation in the artistic texts of I.O. Goncharov, its role in the creation of the linguistic image of the bored hero are under consideration in the article.

Key words: concept, metapoetics, metatext, contextual synonym, antonym.

Последние годы характеризуются значительным повышением внимания к творчеству И.А. Гончарова во всем мире. Растет интерес к исследованию языка романов «Обыкновенная история», «Обломов», «Обрыв»: изучаются художественные функции фразеологизмов, лексическая структура текстовых фрагментов с монологической речью персонажей, выявляются ключевые слова, концепты художественного мышления писателя и т.д. Концепты являются важными компонентами национально-специфической картины мира, что подтверждается пристальным вниманием исследователей к данному понятию. Термин «концепт», по мнению Р.М. Фрумкиной [1], появился в результате взаимодействия лингвистики с философией, психологией и культурной антропологией. Концепт рассматривается во всем многообразии языковых и внеязыковых связей. Несмотря на большое количество работ, посвященных исследованию концептов (В.Н. Базылев [2], С.Г. Воркачев [3], Н.А. Красавский[4], Д.С. Лихачев[5], З.Д. Попова[6], Ю.С. Степанов[7], Г.В. Токарев[8], Р.М. Фрумкина[1], Л.О. Чернейко[9] и др.), остается без внимания описание лингвистического представления многих культурных концептов в текстах романов И.А. Гончарова, в том числе концепта «скука». Сказанное выше обусловливает актуальность нашего исследования. Цель данной статьи: установить специфику концепта «скука» и особенности его лингвистического отражения в художественных текстах И.А. Гончарова. Детальный анализ этих факторов дает возможность углубиться в понятие текстового концепта в связи с намерениями автора.

Слово «скука» (и его производные) неоднократно встречается в романах И.А. Гончарова, оно часто используется в авторских характеристиках героев, пейзажных зарисовках, при создании портретов персонажей, его употребляют герои при описании своего психологического состояния и т.д. Причем, употреблением слова «скука» изобилуют не только романы писателя, но и его письма. В связи с этим возникает ряд вопросов: как сам писатель объясняет «присутствие скуки» на страницах своих произведений, почему его герои скучают, какое место занимает скука в рефлексии автора и героя и др. Ответы на эти вопросы следует искать, прежде всего, в самом творчестве И.А. Гончарова, а точнее, в метапоэтике писателя.

Метапоэтика – это «поэтика по данным метатекста и метапоэтических текстов, или код автора (самоописание), имплицированный или эксплицированный в текстах о художественных текстах. Это сильная гетерогенная система систем, включающая частные метапоэтики, характеризующаяся антиномичным соотношением научных, художественных и философских посылок; объект ее исследования – словесное творчество; конкретная цель – работа над материалом, языком, выявление приемов, тайн мастерства, характеризуется объективностью и достоверностью, представляет собой сложную, исторически развивающуюся систему, являющуюся открытой, нелинейной, динамичной, постоянно взаимодействующей с разными областями знания. Одна из составных черт – энциклопедичность»[10, с. 16]. Метапоэтика представляет собой систему текстов в их взаимодействии. Исследование метапоэтических данных следует

проводить с установкой на анализ языка, тех лингвистических средств, посредством которых строится метапоэтический текст (метатекст) И.А. Гончарова.

Структуру метапоэтики И.А. Гончарова можно представить в виде системы текстов, содержащих рефлексию над собственным творчеством и анализ творчества других писателей. В сферу рассматриваемых нами метатекстов входят только те, которые посвящены романной трилогии. Сюда включаются статьи «Предисловие к роману «Обрыв», «Намерения, задачи и идеи романа «Обрыв», «Лучше поздно, чем никогда», в которых отражаются эстетические взгляды И.А. Гончарова, обосновывается художественный метод писателя, исследуются собственные произведения с целью обеспечения их адекватного понимания адресатом. В этих работах, посвященных анализу собственного творчества, нет прямого указания на концепт «скука», тем не менее, при внимательном прочтении можно определить место этого состояния в творчестве И.А. Гончарова. В романах «Обыкновенная история», «Обломов» и особенно в «Обрыве» присутствуют метатекстовые элементы, позволяющие эксплицировать данные о творчестве художника и о том, как он рассматривает собственное творчество, а также какое место занимает в нем концепт «скука».

Анализ текстов романов И.А. Гончарова позволяет выделить и авторский комментарий к речи героя о скуке, имеющий метатекстовый характер, и метакомментарии, содержащиеся в речи самих скучающих героев. Обратимся вначале к роману «Обыкновенная история»: «Скоро Александр перестал говорить и о высоких страданиях, и о непонятной и неоцененной любви. Он перешел к более общей теме. Он жаловался на скуку жизни, пустоту души, на томительную тоску»[11, с. 152]. В этом комментарии автор-повествователь косвенно указывает, как изменилось речевое поведение героя, перед нами не прямая речь, а описание, предложенное нарратором. Синонимы «пустота», «тоска» встречаются в одной фразе со словом «скука», как бы дополняя друг друга, «входят в контекст основных жизненных событий»[12, с. 372]. В тексте «Обыкновенной истории» окказиональными синонимами к слову «скука» выступают – «(благодатный) застой», «сон», «червь», «разочарованность», «напасть», «болезнь». Скука Александра Адуева характеризуется им самим через лексему «слово»: «Скучно!» – подумал он, – **слово** найдено! Да это мучительная, убийственная скука! Вот уже с месяц этот червь вполз ко мне в сердце и точит его…»[11, с. 214]. Состояние скуки становится сюжетным событием во внутреннем монологе Александра, т.е. при осуществлении героем рефлексии над скукой, поэтому для введения концепта «скука» как сюжетного события используется существительное «слово». Герой пытается истолковать слово «скучно» и одновременно дать ему оценку, используя качественные прилагательные «мучительная» и «убийственная». Подобные эпитеты характеризуют скуку как в высшей степени неприятное чувство, своего рода изъян, мешающий герою полноценно существовать. Контекстуальный синоним «червь» подчеркивает отрицательный характер состояния скуки, так говорят о том, что постоянно терзает, мучит. В сочетании «червь точит сердце» глагол «точит» обозначает действие, направленное не на материальный предмет (обычно, червь точит яблоко, дерево и т.д.), а на одну из сторон душевной организации человека.

В «Обломове» наиболее точное определение состояния скуки дает автор-повествователь: «Жизнь в его глазах разделялась на две половины: одна состояла из труда и скуки – это у него были синонимы; другая – из покоя и мирного веселья»[13, с. 58]. Окказиональные синонимы «труд и скука», которые вне контекста практически являются антонимами, вступают в антонимические отношения с другой парой контекстуальных синонимов «покой и мирное веселье». Эпитет «мирное» со значением «спокойное, чуждое волнений» нейтрализует значение слова «веселье», в результате чего создается картина неподвижности и спокойствия, которая характеризует образ жизни героя романа Ильи Обломова. Окказиональные синонимы используются в текстах И.А. Гончарова, во-первых, чтобы устранить повтор слова «скука», во-вторых, для более полной характеристики состояния героя (параллельное употребление двух или более синонимов).

В тексте романа «Обрыв» скука – «лютый бич», «чума», «враг», «горесть», «недуг», «плесень». Герой Райский смотрит на свою жизнь как на роман, его высказывания о своем будущем романе, представленные в «Обрыве», изоморфны точке зрения И.А. Гончарова, отраженной в статье «Лучше поздно, чем никогда». Уже в начале первой части Райский признается своему другу Аянову, что собирается писать роман: «– У меня давно засела серьезная мысль – писать роман. <…> в роман все уходит – это не то, что драма или комедия – это, как океан: берегов нет, или не видать; не тесно, все уместится там <…> В романе укладывается вся жизнь, и целиком, и по частям»[14, с. 41]. Скука, по мнению Райского, должна быть вставлена в широкую раму этого романа как одна из сторон жизни: «Ему пришла в голову прежняя мысль «писать скуку»: «Ведь жизнь многостороння и многообразна, и если, – думал он, – и эта широкая и голая, как степь, скука лежит в самой жизни, как лежат в природе безбрежные пески, нагота и скудость пустынь, то и скука может и должна быть предметом мысли, анализа, пера или кисти, как одна из сторон жизни: что ж, пойду, и среди моего романа вставлю широкую и туманную страницу скуки: этот холод, отвращение и злоба, которые вторглись в меня, будут красками и колоритом … картина будет верна…»[14, с. 292]. Роман в романе – это текст о творчестве, фигура на фоне разворачивания повествования. В словосочетании «писать скуку» подразумевается широкий подход к скуке как объекту исследования: «Он запирался у себя, писал программу романа и внес уже на страницы ее заметку «о ядовитости скуки». Страдая этим уже не новейшим недугом, он подвергал его психологическому анализу, вынимая данные из себя»[14, с. 307].

Скука как одна из сторон жизни должна занять свое место в текстовом пространстве, а для этого ее нужно осмыслить, проанализировать, описать и материал лучше всего черпать из наблюдений за самим собой. Художественное пространство романа постоянно расширяется высказываниями Райского о скуке: «– Если б не было на свете скуки! Может ли быть лютее бича?»[14, с. 11]. Для героя скука – «лютый бич», он постоянно осмысливает, анализирует терзающее его чувство. Аналогичная конструкция встречается в письмах И.А. Гончарова (например, Н.А. Майкову от 13 июля 1849 г.): «Впрочем, мне грешно бы было сказать это теперь: мне еще хорошо, а вот что-то будет подальше, как всюду преследующий меня бич – скука – вступит в свои права и настигнет меня здесь: куда-то я скроюсь? А уж предчувствие-то скуки есть»[15, с. 507]. Глагол «скроюсь» указывает на предполагаемое в будущем действие по избавлению от скуки, а местоименное наречие «куда-то» подчеркивает неопределенность, сомнение и в какой-то степени отрицание реального существования места, где можно избавиться от скуки.

Скука, в восприятии Райского, – это потенциальный противник: «Сон, апатия и лютейший враг – скука!»[14, с. 130]. Синоним «враг» характеризует скуку как силу, которой надо противостоять. Скучающий герой в поисках спасения уезжает в деревню, но и там «вдруг почувствовал симптомы болезни [скуки], которая мучила его в Петербурге»[14, с. 274]. Синоним «болезнь» имеет вне контекста значение «расстройство здоровья, нарушение деятельности организма». И.А. Гончаров метафорически представляет скуку в терминах, описывающих реальное болезненное состояние, «симптомы». По мнению Н.Д. Арутюновой, «пагубные, вредоносные чувства сравниваются с болезнью, недугом или их «источником», ядом, отравой, заразой»[16, с. 396].

Таким образом, употребление концепта «скука», работа в направлении его смысловой организации свидетельствуют о том, что И.А. Гончаров создает не только художественный текст, но и текст метапоэтический (т.е. осуществляет исследование собственного творчества). Художественное творчество и рефлексия над ним находятся в постоянном пересечении. В романах «Обыкновенная история», «Обломов», «Обрыв» слово «скука» и его дериваты вступают в разнообразные синонимические и антонимические отношения. Концепт «скука» обладает свободной и богатой сочетаемостью, образуя конструкции, описывающие состояние субъекта; сочетания с глаголами физического действия; с прилагательными, указывающими на неприятность состояния и на степень его интенсивности. В метапоэтике И.А. Гончарова заложены внутренние структуры, дающие возможность понимания его произведений как «картин жизни» и типологии героев как зеркал, отражающих в себе концепты русской ментальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фрумкина Р.М. Концепт, категория, прототип // Лингвистическая и экстралингвистическая семантика: Сб. обзоров. – М.: ИНИОН, 1992. – 290 с.
2. Базылев В.Н. Мифологема скуки в русской культуре (И.А. Гончаров «Обыкновенная история») // Сб. статей. К 60-летию профессора В.П. Нерознака. – М.: Academia, 1999. – С. 130–147.
3. Воркачев С.Г. Национально-культурная специфика концепта любви // Филологические науки. – 1995.– № 3.– С. 56–67.
4. Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: Монография. – Волгоград: Перемена, 2001. – 495 с.
5. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Известия АН. Серия литературы и языка. – 1993.– Т. 52. – № 1. – С. 3–9.
6. Попова З.Д. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. – Воронеж: ВГУ, 2000. – 30 с.
7. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 824 с.
8. Токарев Г.В. Концепт как объект лингвокультурологии (на материале репрезентаций концепта «труд» в русском языке) // Исследование языка художественных произведений. – Волгоград: ВГПУ, 2003. – С. 82–89.
9. Чернейко Л.О. Лингво-философский анализ абстрактного имени. – М.: Наука., 1997. – 320 с.
10. Штайн К.Э. Язык. Поэзия. Гармония. – Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1989. – 206 с.
11. Гончаров И.А. Собрание сочинений: В 8-ми т. – М.: Художественная литература, 1952.– Т.1. Обыкновенная история.– 328 с.
12. Веккер Л.М. Психика и реальность: Единая теория психических процессов. – М.: Смысл, 2000. – 685 с.
13. Гончаров И.А. Собрание сочинений: В 8-ми т. – М.: Художественная литература, 1953.– Т.4. Обломов. – 520 с.

14. Гончаров И.А. Собрание сочинений: В 8-ми т. – М.: Художественная литература, 1953.– Т.5. Обрыв.– 367 с.

15. Гончаров И.А. Собрание сочинений: В 8-ми т. – М. Художественная литература, 1955.– Т.8. Статьи, заметки, рецензии, автобиографии, избранные письма. – 576 с.

16. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.